

A
A163

На правах рукописи

АБРАМОВСКИХ Елена Валерьевна

**РЕЦЕПЦИЯ НЕЗАВЕРШЕННОЙ ПРОЗЫ
А. С. ПУШКИНА В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ XIX ВЕКА**

Специальность 10. 01. 01 – русская литература

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Научная библиотека
Уральского
Государственного
Университета

Екатеринбург
2000

Работа выполнена на кафедре русской литературы Уральского государственного университета им. А. М. Горького

Научный руководитель – доктор филологических наук,
профессор **Г. К. Щенников**

Официальные оппоненты: доктор филологических наук,
профессор **С. И. Ермоленко**

кандидат филологических наук,
доцент **Е. Е. Приказчикова**

Ведущая организация: Пермский государственный
университет

Защита состоится **9 июня 2000 г.** в _____ часов на заседании диссертационного совета Д 063. 78. 03 по защитам диссертаций на соискание учёной степени доктора филологических наук в Уральском государственном университете им. А. М. Горького по адресу: 620083, г. Екатеринбург, пр. Ленина, 51, комн. 248.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Уральского государственного университета.

Автореферат разослан "3" мая 2000 г.

Учёный секретарь диссертационного
совета доктор филологических наук,
профессор

Л. П. Быков

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ИССЛЕДОВАНИЯ

Юбилейные пушкинские торжества особенно отчетливо продемонстрировали уникальность места Пушкина в отечественной культуре. Общеизвестно, что его творчество явилось “пророчеством и указанием” (Ф. М. Достоевский) русской литературы. Именно поэтому представляется актуальным исследование незавершенной прозы Пушкина (как наименее изученной части его наследия) с точки зрения ее влияния на ход и развитие литературного процесса страны.

В исследовании эта часть творчества Пушкина рассматривается как источник дальнейшего развития литературы, генератор ее тем, сюжетов, типов героев. Тем самым намечается возможность преодоления определенных научных тупиков, связанных с усиливающимся в последнее время эзотеризмом пушкиноведения, с одной стороны, и ростом числа “околопушкинских” субъективных работ – с другой.

Объектом исследования является незавершенная проза Пушкина, которой до сих пор не посвящено ни одной обстоятельной монографии. В данном исследовании впервые осуществляется полный обзор имеющихся на сегодняшний день сведений о незавершенной прозе Пушкина, к которой обращались такие исследователи, как Н. О. Лернер, В. Б. Шкловский, У. Р. Фохт, С. М. Петров, А. В. Чичерин, Б. В. Томашевский, Н. Л. Степанов, А. З. Лежнев, Д. Д. Благой, Л. С. Сидяков, Н. Н. Петрунина, Г. М. Фридлендер, Н. К. Гей, Б. С. Мейлах, В. Г. Одинокоев, В. С. Белькинд, Р. Г. Назиров, П. Дебрецени, Ю. И. Селезнев, В. С. Непомнящий, С. А. Фомичев и др.

Предмет исследования – рецепция незавершенной прозы Пушкина в сознании “интеллектуальной элиты” XIX века.

Цель работы: выявление закономерностей исторического функционирования данной части творческого наследия Пушкина как генеративного ядра русской литературы.

Цель определяет следующие задачи:

1. выработать методологические принципы изучения восприятия незавершенной прозы Пушкина на основе теории рецепции;
2. осуществить обзор существующих подходов к изучению незавершенной прозы Пушкина для выявления основных вариантов интерпретаций;
3. описать типологию содержания незавершенной прозы Пушкина с точки зрения “романизации жанров”;
4. рассмотреть рецепцию незавершенной прозы Пушкина в критике и литературе XIX века;

5. выявить реальное место этой части наследия Пушкина в истории русской литературы XIX века.

Методология работы опирается на принципы историко-функционального метода (изучение восприятия произведения в разные эпохи и с разных точек зрения). Однако историко-функциональный метод в том виде, как он сложился в отечественной литературоведческой практике, нуждается в определенной корректировке, связанной с наличием в мировом литературоведении сходных, но во многом отличных методов, важнейший из которых – рецептивная эстетика. Использование достижений обоих этих подходов позволяет выработать оригинальную методологию исследования предмета: анализу подвергаются факты восприятия незавершенной прозы Пушкина в их эволюции от 20-х годов до конца XIX века, что дает возможность объективно оценить место этой части наследия Пушкина в развитии русской литературы.

Научная повизна работы:

- доказано, что незавершенная проза Пушкина выражает перспективные “силовые линии” развития русской прозы (особенно романа) XIX века;
- показано, что эта часть наследия Пушкина является постоянно используемым арсеналом словесного искусства в России;
- представлен обзор существующих сведений о незавершенной прозе Пушкина;
- дан сквозной анализ ее содержания;
- прослежена эволюция восприятия крупной части наследия Пушкина в течение XIX века.

Практическая значимость работы: материалы данного исследования могут быть использованы при подготовке справочных и энциклопедических изданий по творчеству Пушкина; исследование может стать основой спецкурсов в рамках программ высших учебных заведений.

На защиту выносятся следующие положения:

1. Незавершенная проза Пушкина (как коррелят его творчества в целом) явилась для русской литературы эволюционно неисчерпаемым источником тем и сюжетов (генетический аспект).
2. В незавершенной прозе Пушкина предугаданы основные ходы литературной мысли XIX века (типологический аспект).
3. В восприятии незавершенной прозы Пушкина двумя важнейшими группами читателей (“интеллектуальной элитой”) выявилась оппозиция: критики (в основном не заметившие этой части наследия Пушкина) – писатели (развернувшие “пружины” незавершенной прозы в своих произведениях).

4. Интеграция пушкинской незавершенной прозы в литературный процесс сопровождалась отталкиванием писателей от Пушкина, стремлением “преодолеть” его и найти свой оригинальный путь.

5. Типологическая универсальность незавершенной прозы Пушкина определила формирование национальной культурной “матрицы”, способной вместить в себя любые художественные миры.

Апробация работы проведена на Всероссийской конференции “Два века с Пушкиным” (Оренбург, 1999), Международной конференции “А. С. Пушкин и культура” (Самара, 1999).

Структура работы: текст диссертации состоит из введения, трех глав, заключения, примечаний и списка использованной литературы, включающего 309 наименований.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ДИССЕРТАЦИИ

Во введении дается обоснование актуальности и новизны избранной темы, определяются цели и задачи работы, дается обзор литературы по проблеме.

Глава первая, “Понятие рецепции художественного текста как литературоведческая проблема”, посвящена выработке методологии исследования на основе изучения существующих теоретических подходов к проблеме рецепции. При этом использован опыт таких исследователей, как Р. Ингарден, Э. Гуссерль, Ф. Водичка, Я. Мукаржовский, Х. Гадамер, Х. Яусс, В. Изер, Р. Варнинг, Х. Вайнрих, Г. Гримм, Р. Эскарпи, М. Науман, К. Улиг; М. М. Бахтин, Л. С. Выготский, Б. С. Мейлах, Н. В. Осьмаков, Г. Н. Ищук и др.

Данная глава состоит из двух параграфов: “Основные положения теории рецепции” и “Методология исследования художественной рецепции”. В первом параграфе проанализированы возможности историко-функционального метода и рецептивной эстетики как основы исследования данной проблемы. В центре изучения этих литературоведческих направлений находится оппозиция *воздействие – восприятие*, прочитываемая иначе как соотношение: *автор – текст – читатель* (или *адресант – адресат, реальный читатель*).

При опоре писателя на “чужой текст” может возникнуть ряд достаточно хорошо изученных в литературоведении явлений и процессов. И. П. Смирнов отмечает: “Писатель запоминает ту информацию, которую запомнил старший писатель (реконструктивная интертекстуальность). Акт конструктивной интертекстуальности предусматривает, что писатель сохранил в памяти два такие источника, один из которых напомнил ему о другом. Память

художника авторефлексивна, направлена на самое себя. Художник запоминает процесс запоминания (объективно данный в чужих текстах или переживавшийся субъективно"¹. Важной гранью интертекстуальности считается явление взаимоотражения текстов (С. Шабоук, О. Турышева, М. Зельдович), которое предполагает чтение двух сопоставляемых текстов не только в хронологической последовательности, но и в обратной перспективе, когда текст предшественника, "учителя", прочитывается сквозь призму текста последователя, "ученика". Такое "обратное" видение позволяет обнаружить в "старшем" тексте скрытые ранее смысловые пружины и пласты. "Читателями-посредниками", с чьей точки зрения можно рассматривать актуализацию незавершенной прозы Пушкина в литературном процессе XIX века, выступают литературоведы XX века. Мы рассматриваем исследования, в которых пушкинское незавершенное прозаическое наследие прочитано "сквозь призму" "большой" русской литературы XIX века. Очевидно, что главным механизмом рецепции в таком случае будет актуализация: "лакуны", "пустые места" пушкинских незавершенных текстов "заполняются" послепушкинскими произведениями. Знание произведений первого ряда русской литературы XIX века позволяет конкретизировать "пустые места", что было невозможно в эпоху, непосредственно примыкающую к пушкинской. "Горизонт ожидания" читателя-посредника (литературоведа) намного шире, чем "горизонт ожидания" читателя-современника (критика) и тем более читателя-"потребителя". Это обеспечивает большую адекватность "горизонту ожидания" текста.

Во втором параграфе излагается описание рабочей методологии исследования, формулируются ее основные принципы.

Рецепция текста художественного произведения достаточно подробно изучена с точки зрения гипотетического представления о механизмах рецепции, когда выявляются сами параметры, по которым можно судить о процессе адаптации текста в сознании реципиента (идентификация, ассоциация, рецептивная установка, рецепционное ожидание, то есть стилистическое настраивание и жанровая ориентированность). Существующая теория рецепции позволяет составить гипотетическую картину восприятия произведения искусства в определенную историческую эпоху. Можно выделить следующие две сферы такого восприятия: 1) наличие существующего на уровне архетипа читательского "горизонта ожидания" (неизменного в любые времена, т. е. связанного только с самим феноменом человеческой психологии, что выступает контрастом по отношению к совершенно неуловимому "горизонту ожидания" каждого отдельного читательского сознания,

¹ Смирнов И. П. Порождение интертекста: Элементы интертекстуального анализа с примерами из творчества Б. Л. Пастернака. СПб.: Изд-во Санкт-Петерб. гос. ун-та, 1995. С. 126.

которое по своей сути феноменологично); 2) конкретно-историческое и конкретно-социальное осуществление рецепции. В исследовании предпринята попытка изучить восприятие пушкинской незавершенной прозы двумя важнейшими группами читателей в разные периоды XIX века: критиками и писателями (то есть читателями-реципиентами и "интерпретаторами"). В процессе читательского восприятия незавершенного текста действуют такие механизмы, как актуализация, идентификация, конституирование смысла. Актуализация "запрограммирована" самим текстом, и проявляется в следующем: читатель, натолкнувшись в тексте на какое-либо упоминание об определенной ситуации (жест, пейзаж, лицо и т. п.), начинает видеть, слышать, обонять, осязать звуки, краски, тела, вещи. Главный парадокс при этом заключается в том, что наиболее яркие актуализации вызываются не подробными описаниями, а отдельными деталями, фрагментами, намеками. Разумеется, незавершенная проза в этом смысле более чем благодатный материал. Ее незаконченность, неопределенность заставляют читателя фиксировать внимание на мельчайших деталях, которые теряются за "бегом" сюжета в объемных текстах. Второй механизм – идентификация – напротив, больше характерен для целостных текстов, поскольку он предполагает самоотождествление читателя с литературным персонажем, эффект "иллюзии достоверности"². Читатель начинает переживать "чужой опыт", и в это время, по словам В. Изера, ему дано "сформулировать самого себя"³. Для незавершенной прозы данный механизм играет не менее важную роль. Это связано прежде всего с большим количеством "темных" мест в объяснении персонажа. Чтобы "домыслить" мотивацию, читатель ставит себя на место героя. Третий механизм – конституирование смысла – это "заполнение пустых мест". Читатель вступает в "борьбу" с незавершенностью, его психология требует "финала", ему остается самому додумывать сюжет. Творческого читателя (писателя) незавершенная проза может подвигнуть на "художественное продолжение". Относительно этой последней категории читателей можно назвать и еще один механизм рецепции незавершенной прозы – заимствование готовой творческой идеи. Разумеется, это вряд ли расценивалось положительно в литературных кругах, поэтому писатели не стремились афишировать свою зависимость. Но соблази "развернуть" именно пушкинский сюжет был велик, что мы и показываем в ходе исследования.

---

² Бонеецкая Н. К. "Образ автора" как эстетическая категория // Контекст: 1985. М.: Наука, 1986. С. 243.

³ Iser W. Appellstruktur der Texte. Unbestimmtheit als Wirkungsbedingung literarischer Prosa. Konstanz, 1970. Цит. по: Современное зарубежное литературоведение: Страны Западной Европы и США. Концепция, школы, термины: Энциклопедический справочник. М.: Интрада – ИНИОН, 1999. С. 45.

Основной стратегией работы стало изучение всего блока критических статей и заметок о незавершенной прозе Пушкина с 1820-х до 1900 года и исследование реминисценций, аллюзий, скрытых и явных цитат в творчестве русских писателей “послепушкинского” периода XIX века; их дневников, писем, черновигов. Главный метод – сплошной выборки, вспомогательный – обращение к литературоведческим работам XX века в области сопоставительного анализа незавершенной прозы Пушкина и произведений “послепушкинского” периода.

Глава вторая, “Незавершенная проза Пушкина как специфическая часть его наследия”, представляет собой подробный анализ всего корпуса прозаических незавершенных произведений Пушкина. При этом в первом параграфе (“Проблема завершенности / незавершенности прозаических текстов Пушкина”) дается обзор существующих сведений об этой части наследия Пушкина с точки зрения их завершенности, анализируются основные точки зрения литературоведения на данный вопрос: 1) его отвлекали более обширные и глобальные замыслы (тех произведений, которые завершены – точка зрения Е. С. Гладковой, Н. В. Измайлова и др.); 2) жизненные обстоятельства не давали возможности дописывать начатое (Ю. Г. Оксман, Н. О. Лернер и др.); 3) Пушкину была предельно ясна идея, и замыслы (и их раскрытие) становились неинтересными, переставали его удовлетворять (Ю. М. Лотман, Н. Н. Петрунина и др.); 4) незавершенность (и как главный признак – открытый финал) – основная особенность пушкинской поэтики. Первым высказал эту идею В. Г. Белинский: “Мы думаем, что есть романы, которых мысль в том и заключается, что в них нет конца, потому что в самой действительности бывают события без развязки, существования без цели, существа неопределенные”⁴. В настоящее время идея “незавершенной завершенности” раскрывается в работах Н. Петруниной, В. Непомнящего и др. исследователей.

Во втором параграфе этой главы (“Типология незавершенной прозы Пушкина”) предлагается анализ содержательного плана объекта изучения. Вероятнее всего, в незавершенной прозе Пушкина мы можем усмотреть своеобразную “энциклопедию” романских модификаций, которые впоследствии окажутся востребованными русской литературой (в большей или меньшей степени). Пушкинское “предчувствование” основных направлений развития русской словесности отражается в незавершенной прозе с особой полнотой. “Примеряя” и отбрасывая разные варианты романной конструкции, Пушкин не искал “единого” универсального варианта. Он именно “пробовал наощупь” возможности прозаического текста, откладывая в сторону “образцы”, когда эта конструкция для него самого станови-

⁴ Белинский В. Г. Собр. соч.: В 9 т. М.: Худож. лит., 1984. Т. VI. С. 35.

лась понятной. В таком отношении Пушкина к прозаическому повествованию можно обнаружить именно “литературность” – пушкинская деятельность в области прозы оказывается принципиально эстетической, а отбор тем и сюжетов подчинен не столько “идеологическим задачам”, которые так настойчиво искали в пушкинском наследии потомки, сколько исследованию возможностей самой литературы в ее русском варианте. Однако важно, что Пушкин в незавершенной прозе пробует не сюжеты, а романские концепции, то есть такие коллизии, в которых по-новому раскрываются отношения между людьми, человека с обществом, миром. Тяготение к решению задач общечеловеческого масштаба стало одной из главных особенностей русского романа XIX века вслед за Пушкиным. Он формулирует модели, схемы, по которым и пойдет развитие русской литературы. В “Рославлеве” есть прямое указание на важнейшую из таких схем: “Нет сомнения, что русские женщины лучше образованны, более читают, более мыслят, нежели мужчины, занятые бог знает чем”, – которая предвещает дальнейшее развертывание “сильных женских натур”, “русских героинь” в последующей русской литературе, а также указывает на приоритет женского характера в произведениях XIX века (“Рудин”, “Дворянское гнездо”, “Новь” Тургенева, “Обломов”, “Обрыв” Гончарова, “Тысяча душ” Писемского и др.).

Называя “романами” главные модификации незавершенных прозаических произведений Пушкина, следует иметь в виду, что вопрос об их жанровой природе связан с общими процессами деканонизации и “романизации” жанров в литературе нового времени.

Первая группа набросков соотносима с таким вариантом романной ориентации, как исторический роман, в основном восходящий к творчеству Вальтера Скотта. Пушкин обращается к жанру исторического романа в следующих незавершенных произведениях: “Арап Петра Великого”, “В начале 1812 года”, “История села Горюхина”, “Рославлев”, “В 179* году возвращался я”, “Планы повести о стрельце”, “Повесть из римской жизни”. Внутри этой группы можно усмотреть ряд модификаций, тематических нюансов. Это описание исторической эпохи (“Арап Петра Великого”, “Планы повести о стрельце”, “Повесть из римской жизни”), ситуация “накануне” исторического события (“В начале 1812 года”), тема народной войны (“Рославлев”), имитация формы “хронографа” (“История села Горюхина”) и мемуарной формы (“В 179* году возвращался я”). Каждая из этих групп подробно рассматривается в работе.

Другая группа отрывков и незавершенных произведений условно представляет мистико-фантастический роман. Главным текстом Пушкина, определившим во многом дальнейшее развитие мистико-фантастического направления в романной технике, была “Пиковая дама”. Планы “Влюблен-

ный бес” и “Н. избирает себе в наперсники” создавались раньше этой повести, поэтому напрашивается мысль об их “подготовительном” характере. Однако характерная черта творческой лаборатории Пушкина – “непоглотимость” одних планов другими. В этих набросках можно увидеть обращение Пушкина к одной из наиболее известных жанровых форм романа конца XVIII– начала XIX веков – готическому роману. Здесь на первый план выступает внутренний мир человека, а не внешние обстоятельства, которые могут оказаться полными мистической необъяснимости. Сумасшествие героя (вероятнее всего, чиновника) оказывается изначально заданным. “Петербургский” мистический текст, создание которого во многом заслуга именно Пушкина, обогащается образом “счастливого сумасшедшего”. Это предвестие “подпольного” типа: “Об нем жалеют. – Он доволен”. Перекрещивание внутренней и внешней точек зрения должно было, по-видимому, создать стереоскопичность повествования. Одушевление Невского проспекта оказывается вполне осмысленным в “призрачном” городе. Действие “Влюбленного беса” было отнесено в Москву, “деревенскую” столицу, где вполне возможно появление “дьявольских” сил в их “плотском” облики (и это еще один аргумент в пользу доказательства “титовского” авторства “Уединенного домика на Васильевском”, когда “московский текст” волевым нажимом трансформируется в “петербургский”). “Демоническое” в отрывке “Н. избирает себе в наперсники” отсутствует. Ему на смену приходит настоящая мистика, связанная с признанием “ночной души” человека. Герой рассказывает Невскому проспекту о своих “домашних беспокойствах” и “семейственных огорчениях”, при этом он вполне доволен своей судьбой (или тем, что его жалеют). Объектом изображения становится душа “городского сумасшедшего” – вскоре эта тема в петербургском тексте займет устойчивое место.

Самое большое число незавершенных отрывков можно условно отнести к наиболее актуальному для всей последующей русской литературы типу социально-психологического романа. Очевидно, что если концептуально исторический роман ставит перед собой задачу осмысления причинно-следственных связей исторического процесса, а мистико-фантастический роман демонстрирует власть темной, подсознательной части жизни и провозглашает бессилие Разума, то социально-психологический роман ставит своей задачей детерминацию личностного начала в человеке. Сложность заключается в том, что эта детерминация имеет большое число вариантов, которые образуют разные воплощения, модификации⁵. Пушкин пробовал различные формы такого романа, “примеряя” возможности известных роман-

⁵ См. об этом подробнее: Абрамовских Е. В. Роман в движении // Русские романы: Энциклопедия словесности. Челябинск: Урал-LTD, 1999. С. 637–650.

ных модификаций, но наполняя их новым смыслом. Деление отрывков на группы представляется в этом случае несколько субъективным, но необходимым моментом. В основу классификации можно положить критерий доминирующего типа романной ситуации. Особую группу составят фрагменты, где стержнем сюжета является поведение “страстных” женских натур (“романы страстей”). Непредсказуемость поступков оказывается генератором сюжетных ходов. В то же время, очевидно, что настойчивое обращение Пушкина к образам “страстных” женских характеров обусловлено стремлением обнаружить мотивацию их поступков, за непредсказуемостью увидеть неизбежность и необходимость. Романная ситуация, создаваемая по этому типу, требует ограниченного числа персонажей, а также экспериментального сюжета, продиктованного незаурядностью героини. Действие такого романа должно разворачиваться “здесь и сейчас”, без какой-либо дистанции; читатель оказывается свидетелем “на его глазах” происходящего действия. Это позволяет отнести данную романную модификацию к типу “романа-драмы” (противопоставленного, по мнению Бальзака, “роману-истории”) и даже “романа-трагедии”. Трагичность разворачивающегося сюжета также жестко предопределена и связана с ведущим типом конфликта такого романа – между пылкой и страстной натурой и “низкой” средой. Однако в пушкинском варианте этот конфликт осложняется внутренней нецельностью героинь, находящихся в противоречии со своим “вторым я”. К этой группе можно отнести следующие отрывки: “Надинька”, “Гости съезжались на дачу”, “На углу маленькой площади”, “Мы проводили вечер на даче”, “Египетские ночи”.

Другой тип романной ситуации возникает, когда в фокусе оказывается “кроткий” характер (тип Татьяны). Вариант такой романной модификации можно увидеть в отрывке “Марья Шонинг”. А. Лежнев назвал этот набросок “первым образцом экспериментально-психологической повести”⁶.

Важнейшей романной модификацией (и одним из древнейших типов романа вообще) считается плутовской (шире – авантюрный) роман. Пушкин внимательно относился к образцам этого жанра. Его задачей было трансформировать саму доминанту жанра – перенести романное ядро не в сферу “нанизывания” неожиданных событий, авантюр, а в сферу детерминации главных действующих лиц. Возможности авантюрного романа позволяли Пушкину создать романное полотно, охватывающее различные сферы общественной жизни. Сложный баланс между социальной и психологической детерминацией создавал необходимое напряжение, обеспечивающее стройность возможных и реализованных романых систем. К этому типу можно

---

⁶ Лежнев А. Проза Пушкина. М.: Худож. лит., 1966. С. 197.

условно отнести такие произведения, как “Дубровский”, “Роман на Кавказских водах”, “Карты, продан”, “Русский Пелаг”.

В таких фрагментах, как “Записки молодого человека”, “Часто думал я”, “Криспин приезжает в губернию”, “Les deux danseuses” Пушкин пробует форму нравоописательного (обличительного) романа. Другое “ответвление” социально-психологического романа – роман “автобиографический”. Сюда можно отнести “Отрывок” и “Участь моя решена”.

Наконец, эпистолярный роман – “Роман в письмах”. По мнению Г. О. Винокура, текст вырос из собственной переписки Пушкина⁷, также Пушкин обращался и к литературным образцам⁸.

Таким образом, актуализируя романские формы, казалось бы, безнадежно устаревшие и осмеянные новым временем, Пушкин стремится не потерять опыт былых эпох, разных литератур. Демонстрируя, сколько возможностей таит в себе “роман на старый лад”, Пушкин оказался новатором именно в области жанровых романских модификаций.

В третьей главе, “Восприятие незавершенной прозы Пушкина в XIX веке”, осуществляется анализ восприятия незавершенной прозы Пушкина “интеллектуальной элитой” XIX века – критиками (первый параграф) и писателями (второй параграф и далее). Первый параграф (“Восприятие незавершенной прозы Пушкина в критике XIX века”) дает представление о месте незавершенной прозы Пушкина в критических статьях В. Г. Белинского, Д. И. Писарева, Н. А. Добролюбова, Н. Н. Страхова, Н. Г. Чернышевского, М. Н. Каткова, А. А. Григорьева, П. В. Анненкова и др.

В критике разных направлений и эстетических платформ наметилось единодушие по вопросу о пушкинской прозе. Признавая достоинства отдельных прозаических произведений, критики в целом не видят их глубины и не могут осознать реальную значимость пушкинской прозы в истории русской литературы. Отдельные “прорывы” критиков к постижению истинной глубины незавершенной прозы (В. Г. Белинский, А. А. Григорьев, П. В. Анненков и др.) “тонут” в общей “идеологической борьбе”. Важным представляется тот факт, что в это же время писатели активно включают пушкинскую прозу и в частности, незавершенную прозу Пушкина, в свои творческие лаборатории. Упрямое нежелание критики считаться с этими параллелями можно усмотреть в ее общем “идеологическом” характере (не исключая и “артистического” направления); ее стремлении акцентировать

⁷ Винокур Г. О. Пушкин-прозаик // Винокур Г. О. Культура языка. Очерки лингвистической технологии. М.: Работник просвещения, 1925. С. 179–188.

⁸ Вольперт Л. И. Пушкин и Шодерло де Лакло: На пути к “Роману в письмах” // Пушкинский сборник. Псков, 1972. С. 84–114 (Учен. зап. / Ленингр. Гос. пед. ин-т им. А. И. Герцена. Т. 483); Шкловский В. Б. За и против: Заметки о Достоевском. М.: Сов. писатель, 1957. С. 28.

внимание на произведениях “первого” ряда, где очевидны мировоззренческие установки автора. Незавершенная проза, сама суть которой не допускает единых “замкнутых” оценок, оказывалась неудобной, “лишней” частью наследия Пушкина, мешающей критикам подтверждать свои взгляды.

Для писателей, в отличие от критиков, незавершенные тексты Пушкина оказались интересны не в меньшей степени, чем его завершенная проза. Психология писательского сознания определяет специфическое “цеховое” видение творческого мира “собрата по перу”. В штрихах и набросках Пушкина писатели обнаруживали пружины и импульсы к собственному творчеству. Соблазн продолжения или самостоятельного решения именно пушкинских незавершенных отрывков оказывался тем большим, чем быстрее в русском обществе утверждался статус Пушкина как великого национально-го Поэта. Так возникла оппозиция между отношением к незавершенной прозе критиков и писателей.

Второй параграф (“Проблема ученичества русских писателей по отношению к Пушкину”) раскрывает особенности общего восприятия творчества Пушкина, в частности незавершенной прозы, русскими писателями XIX века. Можно выделить два главных варианта такого отношения: признание зависимости и ученичества и творческий интерес.

Для Гоголя, Тургенева и Гончарова Пушкин был безусловным ориентиром; они осознавали, что это их “личное” пристрастие. Каждый из этих писателей оказывался в ситуации отстаивания “права на учителя” – ведь им приходилось говорить о своем ученичестве у Пушкина в периоды забвения имени поэта (Гоголь), или в моменты нигилистического к нему отношения (Тургенев, Гончаров), или во время “покаяния” интеллигенции (Чехов). Пушкин превращается в обязательный элемент русской литературы.

Упомянутые нами писатели первого ряда открыто признавали себя учениками Пушкина. Эта тенденция – “не стесняясь” говорить о своей “вторичности” по отношению к Пушкину – показательна. Факт повышенного интереса большинства писателей этого типа к “анненковскому” изданию подтверждает мысль о том, что для них слово Пушкина, в том числе и незавершенное слово, оказывалось бесценным даром, особым миром, на который они глядели глазами творческих людей, видели в этих набросках прообразы новых творений, стремились развернуть “спрятанное” содержание в соответствии со своими эстетическими принципами и стилем.

В “документальной” части наследия другой группы реципиентов – Лермонтова, Лескова, Салтыкова-Щедрина – мы не обнаруживаем прямых указаний на важность для их художественных систем творчества Пушкина (тем более незавершенной прозы). Однако “подчиненный” характер ряда их произведений оказывается косвенным свидетельством факта этой важ-

ности. Очевидно, что отсутствие прямых указаний на признание факта ученичества в “документальной” части наследия крупных писателей XIX века не является основанием для предположений о “внепушкинском” пути развития русской литературы. В каждом конкретном случае можно найти особое объяснение “непризнания”. Например, для представителей демократического лагеря 1860-х годов такой причиной стало “апологетирование” Пушкина их противниками. Пушкин переставал быть “творческим миром” и превращался в политический ярлык. Естественно, это было достоянием основанием для “умолчаний”. Главными объектами в полемике становились пушкинские стихотворения о назначении поэта и поэзии. Пушкинская проза оказывается на периферии общих рассуждений. Но характерно, что незавершенная проза, тем не менее, интересна для таких писателей, как, например, Салтыков-Щедрин, в той же мере, что и для писателей первой условно выделенной нами группы. Однако в русской литературе можно найти случаи “сложного”, непоследовательного признания пушкинского наставничества. Таковы факты, связанные с именем Л. Н. Толстого.

Третий параграф (“Актуализация незавершенной прозы в русской литературе XIX века”) посвящен поименному разбору восприятия незавершенной прозы Пушкина писателями “первого ряда” русской литературы XIX века и анализу общего места незавершенной прозы в историко-литературном процессе.

Сложность определения “чистого” влияния незавершенной прозы Пушкина на историко-литературный процесс, как уже отмечалось, связана и с “затмеванием” этой части наследия Пушкина его законченными произведениями, бесспорно, оказавшимися центральными ориентирами в русской литературе. Историческое повествование, намечаемое в “Арапе” и “Планах повести о стрельце”, не так актуально, как принцип историзма в “Капитанской дочке”; мистические мотивы “Влюбленного беса”, несомненно, перекрываются “Пиковой дамой”; “История села Горюхина” оказывается в тени “Повестей Белкина” и т. п. Однако нельзя утверждать, что незавершенная проза Пушкина в основной своей части – это подступы к его реализованным замыслам. Можно обнаружить ряд конкретных текстовых перекличек, которые в одних случаях могут рассматриваться как прямые заимствования, в других – как типологически близкие:

Название пушкинского отрывка	Сюжет, образ, тема	Типологические и генетические соответствия, отмеченные литературоведением XX века
«Надпись»	Карточная игра; образ «инфернальницы»	«Игрок», «Идиот» Достоевского
«Карты, продан»	Не поддается адекватной интерпретации	

«Влюбленный бес» («Уединенный домик на Васильевском»)	«Демонический» герой, мистический сюжет	«Штосс» Лермонтова, «Портрет», «Страшная месья» Гоголя, «Песнь торжествующей любви» Тургенева; «Хозяйка» Достоевского
«Арап Петра Великого», «Планы повести о стрельце»	Историческая эпоха глазами частного человека	«Война и мир» Толстого, «Князь Серебряный» А. Толстого
«В начале 1812 года»	Ситуация «накануне» исторического события: помещный быт; «городничий»	«Война и мир» Толстого; «Ревизор» Гоголя
«Роман в письмах»	Светский быт; помещная жизнь; путь к самопознанию	«Переписка», «Рудин» Тургенева; «Война и мир» Толстого; «Записки из подполья», «Идиот» Достоевского
«Гости съезжались на дачу»; «На углу маленькой площади»	Светское общество; «страстный» женский характер; пресыщенный dandy; измена мужу	«Княгиня Лыговская» Лермонтова; «Анна Каренина», «Война и мир» Толстого; «Ася», «Вешние воды», «Первая любовь» Тургенева; «Рассказ неизвестного человека», «Дама с собачкой» Чехова
«История села Горюхино»	Изображение российского менталитета через быт глухой провинции; тип повествователя «простака»	«История одного города», «Попехонская старина», «Господа Головлевы» Салтыкова-Щедрина; «Обломов»; «Обыкновенная история»; «Обрыв» Гончарова; «Отрывок» Чехова; «Кому на Руси жить хорошо» Некрасова
«Отрывок»	Художник и общество	«Портрет» Гоголя
«Записки молодого человека»	Сентиментальное путешествие	«Мертвые души» Гоголя
«Участь моя решена»	«Переход» в новую жизнь (сватовство)	«Анна Каренина»; «Крейцерова соната» Толстого
«Н. избирает себе в наперсники»	«Городской сумасшедший»	«Записки сумасшедшего», «Невский проспект» Гоголя, «Господин Прохарчин», «Слабое сердце» Достоевского
«Рославлев»	«Страстная» женская натура; Народная война	«Война и мир» Толстого; «Накануне» Тургенева; «Что делать?» Чернышевского; «Братья Карамазовы» Достоевского
«Роман на Кавказских водах»	«Водяное общество»; герой – романтический злодей	«Герой нашего времени» Лермонтова

«Дубровский»	Самодур-тиран; «благородный разбойник»; «Гатьяна», «освободительная борьба»	«Вадим» Лермонтова; «Мертвые души» Гоголя; «Дворянское гнзздо», «Записки охотника» Тургенева, «Господа Головлёвы» Салтыкова-Щедрина, «Село Степанчиково и его обитатели», «Униженные и оскорбленные» Достоевского, «Сорока-воровка», «Кто виноват?» Герцена
«Часто думал я»	Адольгер; «преступные» роды	«Анна Каренина» Толстого, «Бесы» Достоевского
«Русский Пелам»	«Случайное семейство», повествователь вспоминает свою жизнь, светский быт, жизнь низов	«Петербургские трудобы» Крестовского, «Подросток», «Идиот», «Братья Карамазовы» Достоевского, «Детство» Толстого
«Криспин приезжает в губернию»	Быт провинции; герой-«плут», сватовство за губернаторскую дочку	«Мертвые души» и «Ревизор» Гоголя
«Les deux danseuses»	Жизнь театральной богемы; искусство как ремесло	«Портрет» Гоголя; «Господа Головлёвы» Салтыкова-Щедрина; «театральные» пьесы Островского
«Повесть из римской жизни»	Искусство и власть; «идеологическое» самоубийство	«Бесы» Достоевского
«Мы проводили вечер на даче», «Египетские ночи»	«Страстный» женский характер; искусство и власть; художник и общество	«Братья Карамазовы», «Идиот» Достоевского; «Белые ночи» Достоевского; «Альберт» Толстого, «Тамара» Лермонтова, «Студент» Чехова, «Клара Мяслич», «Песнь торжествующей любви» Тургенева
«В 179* году возвращался я»	Провинциальный быт, любовь к замужней женщине	«Кто виноват?» Герцена; «Что делать?» Чернышевского; «О любви» Чехова
«Марья Шонинг»	Жизнь социальных низов	«Униженные и оскорбленные», «Нечотка Незванова» Достоевского

Большое число таких соответствий свидетельствует прежде всего о том, что Пушкин предугадал ряд важнейших “ходов” русской литературы в плане самой поэтики – сюжетов, образов. Незавершенная проза оказалась не только (и не столько) его собственной лабораторией, сколько лабораторией будущего русского литературного процесса. “Пробуя” различные сюжетные “ходы” и образы, Пушкин обращался к всевозможным жанровым моделям. Гибкость жанровых форм была необходима ему для создания множества

романных ситуаций, представляющих собой в каждом случае уникальное “поле деятельности” “героев времени”.

Очевидно, что многие темы повторяются, вполне возможно выделение ряда наиболее “активных” из них. Говоря об ассимиляции пушкинской незавершенной прозы, мы имеем в виду ее фактическое “растворение” в литературном пространстве. Здесь даже не важны хронологические факты публикации незавершенных отрывков – важно, что Пушкин намечал главные тематические и сюжетные линии русской литературы, а также целые романские концепции. В ряде таких сопоставлений можно усмотреть и прямое влияние пушкинских отрывков на творческое сознание писателей-потомков.

Этой стороне проблемы посвящены следующие три параграфа, которые содержат конкретный анализ рецепции незавершенных отрывков Гоголем, Салтыковым-Щедриным и Толстым. Это те писатели, которые предприняли попытку “развития” незавершенного пушкинского замысла до цельного завершенного текста. В остальных многочисленных случаях мы имеем дело с отдельными заимствованиями, переключками и аллюзиями.

В параграфе четвертом, “Воплощение пушкинских замыслов (Гоголь)”, прослеживаются механизмы возможной рецепции пушкинского замысла “Криспин приезжает в губернию” автором “Ревизора” и “Мертвых душ”. Основные исследования по этой проблеме (Г. А. Гуковского, Ю. В. Манна, В. Э. Вацура, Г. П. Макогоненко, Э. В. Войтоловской и др.) выдвигают различные толкования, которые сводятся к главной позиции: определению степени самостоятельности Гоголя как творца своих главных произведений. Мнение исследователей сводится к тому, что Пушкин послужил лишь генератором самой общей идеи, которая была Гоголем развернута в гениальных сюжетах. В то же время метод рецептивного анализа позволяет предположить, что Гоголь разворачивает из “Криспина” и сюжет “Ревизора”, и сюжет “Мертвых душ”. В процессе рецепции пушкинского замысла Гоголем можно выделить несколько этапов. На уровне актуализации для Гоголя оказывается важной сюжетная схема: некто приезжает в условный город NN, у Пушкина – на “ярмонку” (символ, модель России) и его принимают за другого; он пользуется выгодами такого положения. В двух строках пушкинского замысла для “творческого читателя” Гоголя содержится канва “национального сюжета”. Тип главного героя прогнозируется именами плута (Криспин – Чичиков) и вруна (Свиньин – Хлестаков). “Ярмонка” оказывается условным вариантом Города, где все покупается и продается (в “Ревизоре” – честь, совесть, собственное достоинство, добродетели, не случайно главным символическим актом становится взятничиче-

ство; в “Мертвых душах” – объектом купли-продажи становится Душа). В пушкинском наброске героя принимают за “ambassadeur’a” (т. е. “посланника”, по версии Б. Томашевского, расшифровавшего таким образом неясное написание). Даже если версия Томашевского не верна, важен сам факт “принятия за другого”. Здесь нет подчеркивания плутовского характера сюжетной линии. “Обстоятельный ряд” у Пушкина представляет “честного дурака” губернатора и “кокетничающую” губернаторшу. Этим объясняется возможность обмана. Для Гоголя обстоятельство “принятия за другого” оказывается ключевым в обоих текстах. При этом и “врун” Хлестаков-Свиньин, и “плут” Чичиков-Криспин не готовы и не ожидают такого поворота событий. Чичиков, разумеется, более заинтересован в сокрытии своих истинных намерений, но никак не ожидает, что его примут за ревизора, похитителя и т. п. Как и в пушкинском наброске, герои Гоголя попадают в заданный “обстоятельный ряд”. “Честный дурак” и “кокетка” Пушкина оказываются для Гоголя прообразами “бытовых характеристик”, которые развернутся у него в “трибодовскую” галерею типов – как в “Ревизоре”, так и в “Мертвых душах”. Любовный сюжет в пушкинском тексте оказывается “вписан” в уже заданный ряд событий, то есть отступает на второй план, оказывается “логическим следствием”. Это наблюдается и в текстах Гоголя. На этапе идентификации Гоголь разворачивает пушкинский сюжет линейно, подчиняя ему свой замысел, неслучайно ранняя, сохранившаяся редакция первой главы второго тома начинается с дальнейшего описания дороги и всего, что попадает на пути. Последний механизм рецепции – это собственное рождение нового текста (конституирование смысла): “дорожного романа” (“Мертвые души”) и “дорожной пьесы” (“Ревизор”) с доминирующей чертой поэтики – сюжетом. Важно, что “Криспин” может быть “развернут” и “по-хлестаковски”, и “по-чичиковски”. “Пустые места” пушкинского наброска позволяют восстанавливать “пропущенные звенья” различными способами. Виртуальный сюжет конкретизируется в соответствии с творческой задачей реципиента – Гоголя. Именно поэтому гоголевские попытки воплотить пушкинский сюжет оказались вполне “пушкинскими” (важно, что Пушкин никогда не возвращался к своему замыслу в связи с появлением “Ревизора”). Таким образом, мы можем усмотреть здесь действие одного из возможных механизмов восприятия пушкинской незавершенной прозы сознанием “творческих читателей” – стремление “развернуть” пушкинский замысел “по-пушкински”, отгадать пушкинское “решение задачи”, оказаться “достойным” наставника.

Пятый параграф третьей главы, “Трансформация пушкинских незавершенных текстов (Салтыков-Щедрин)”, содержит анализ возмож-

ной рецепции пушкинской “Истории села Горюхина” автором “Истории одного города”.

Здесь можно усмотреть иной механизм “усвоения” пушкинских незавершенных произведений – стремление “написать” пушкинское произведение на новом актуальном материале. Салтыков-Щедрин использует в “Истории одного города” “оболочку” “Истории села Горюхина” Пушкина. Речь идет о более сложном взаимодействии двух текстов, нежели простое заимствование формы. Сопоставление двух “Историй...” проделано в работах таких исследователей, как А. Акулова и Ю. Грицай. Однако помимо текстовых переключек, можно уверенно говорить о генетическом родстве, подтверждающемся на уровне рецептивных механизмов.

Очевидно, что Салтыков-Щедрин “начал с формы” – использовал само название и “конструктивный принцип” пушкинского произведения (простодушный “летописец” важно и бесхитростно рассказывает о судьбе ничтожного села (городишка), опираясь на “подлинные документы”). Однако в ходе создания произведения осуществилось действие механизма рецепции: пушкинский текст “втянул” “нового автора”, подчинил его себе. От следования форме Салтыков-Щедрин переходит к следованию “духу и букве” пушкинского текста, и “История одного города” становится “Историей села Горюхина” “на новый лад”.

Механизм восприятия пушкинского текста строится на близости тематики “Истории села Горюхина” основным проблемам, волновавшим Салтыкова-Щедрин. Будучи одним из самых “крестьянских” произведений Пушкина, “История села Горюхина” прямо ставила острейшие проблемы крепостной зависимости. Новым в литературе был не сам факт обращения к этим вопросам (“Путешествие из Петербурга в Москву” Радищева), а форма такого обращения. На смену пафосному, гневному, обличительному тексту Радищева, полному сентиментальных восклицаний и эмоциональных выпадов, приходит ироничный, подчеркнuto пародийный текст, чье воздействие оказывается не менее потрясающим. Салтыков-Щедрин не мог в 60-е годы в прозе заговорить на языке Радищева. Иронический пафос “Истории села Горюхина” оказался магически притягательным. Произошла актуализация текста: основные смысловые “пуанты” пушкинской “Истории...” вызывают в творческом сознании Салтыкова-Щедрин определенные импульсы, генерирующие новый текст по “старому” образцу. Актуализация неизменно влечет за собой идентификацию – Салтыков-Щедрин “примеряет” “маску” Белкина. Характерно, что он не стал вводить опосредованный образ издателя, заменив его вполне “авторским” вступлением, да и впоследствии ведет повествование от своего лица, изредка приводя “буквальные цитаты” из “летописей”.

Прямым доказательством “втягивания” Салтыкова-Щедрина в пушкинский текст можно считать криптоцитирование “Истории села Горюхина” в романе “Господа Головлевы”. Усадьба Погорелки становится “эпицентром” смертей (само название усадьбы соотносится с названием села “Горюхино”). Отзвуком былой жизни Горюхина является воспоминание о прежней жизни в Горюшкине: “А дыни, говорит, какие в Горюшкине росли! По 20 фунтов весу – вот какие дыни!”. “Запустение”, “уныние” оказываются лейтмотивными характеристиками повествования. Движение головлевской усадьбы от относительного благополучия в “баснословные времена” до полного разорения в настоящем времени оказывается повторением сюжетных пружинок “Истории одного города” и соответственно “Истории села Горюхина”.

Также показательным представляется повторение общей схемы “Истории села Горюхина” в последнем крупном произведении Салтыкова-Щедрина – романе “Пошехонская старина”. Хотя по общему сюжету история Никанора Затрапезного гораздо ближе стоит к “Господам Головлевым”, она удивительно напоминает именно “Историю села Горюхина”. Никанор Затрапезный повторяет главные повествовательные находки Белкина. Повествование разбито на главы, названия которых вполне соотносимы с названиями частей пушкинской “хроники” (“Гнездо”, “Воспитание нравственное”, “День в помещицкой усадьбе”, “Портретная галерея”, “Помещицья среда” и др. соотносятся с “Баснословными временами”, “Старостой Трифоном”). Периодически воспоминания детства прерываются патетическими восклицаниями рассказчика: “Припомните: разве история не была многократно свидетельницей мрачных и жестоких эпох, когда общество, гонимое паникой, перестает верить в освежающую силу знания и ищет спасения в невежестве?”. Ряд конкретных переключек двух текстов показывает, что главной задачей Салтыкова оказывается полемика с пушкинским произведением. Пошехонье (Ярославская губерния) и Горюхино (Псковская губерния) – “страны”, описываемые “одновременно”: Салтыков-Щедрин родился и воспитывался в этаком “Горюхиине” – Заболотье – как раз в то время, когда об этом “крае” вздумал писать Белкин (1824 год – “повествовательное” время; 1826 – год рождения Салтыкова). В тексте “Пошехонской старины” акцент сделан на “спорных” моментах – Никанор Затрапезный выступает оппонентом Белкина. “Красота мужиков” белкинского повествования сменяется тщедушием и жалкостью пошехонских, целомудрие женщин Горюхина оборачивается безнравственностью в Заболотье; богатая рыбой, грибами, хлебом земля, описанная Белкиным, трансформируется в нищий болотный край у Затрапезного. “Полемика” повествователей тем более ощутима, что для Затрапезного Белкин предстает вполне реальным ориен-

тиром и объектом возражений. Салтыков-Щедрин как будто не обращает внимания на “снятый” характер повествования – Белкин не равен Пушкину, однако Затрапезный в значительно большей степени близок Салтыкову-Щедрину. Очевидно, насколько в творческом сознании Салтыкова-Щедрина пушкинский текст оказался парадигматичным. Это проявляется на следующих уровнях заимствований, выделяемых З. Г. Минц⁹: атрибуты (образы – “коллективный” портрет обывателей и тип безжалостного правителя, многократно варьируемый в его повествовании) и предикаты (действия героев – их размеренный, регламентированный вековыми устоями быт и потрясение этого мира вторжением “управляющего”). Однако Салтыков-Щедрин трансформирует и саму “мифему” текста (воспроизведенный в свернутом виде чужой сюжет в целом), применяя ее к современной ему действительности; поэтому, приступая к автобиографическому повествованию, он оказывается во власти “Истории села Горюхина”.

Шестой параграф, “Продолжение пушкинских фрагментов (Толстой)”, содержит анализ “Анны Карениной” Толстого в связи с пушкинскими замыслами “Гости съезжались на дачу”, “На углу маленькой площади” и “Участь моя решена”.

В данном случае внешним стимулом к реализации творческого замысла послужил текст Пушкина. Об этом и говорится в неотправленном письме Толстого к Н. Н. Страхову от 25 марта 1873 года: “Я как-то после работы взял этот том Пушкина и, как всегда (кажется седьмой раз) перечел всего, не в силах оторваться, и как будто вновь читал. (...) И там есть отрывок “Гости собирались на дачу”. Я невольно, нечаянно, сам не зная зачем и что будет, задумал лица и события, стал продолжать, потом, разумеется, изменил, и вдруг завязалось так красиво и круто, что вышел роман, который я нынче кончил начерно, роман очень живой, горячий и законченный, которым я очень доволен и который будет готов, если бог даст здоровья, через две недели и который ничего общего не имеет со всем тем, над чем я бился целый год”. В данном случае мемуарный источник становится реальным подтверждением процесса актуализации замысла, то есть художник видит в конкретном тексте подтверждение своим мыслям, идеям, развитие своих образов.

Этапом идентификации в восприятии отрывка можно считать время создания того самого чернового фрагмента, о котором Толстой говорит Н. Страхову и в следующем письме от 11 мая 1873 года: “...Я пишу роман, не имеющий ничего общего с Петром I. Пишу уже больше месяца и начерно кончил. Роман этот – именно роман, первый в моей жизни, очень взял меня

⁹ Минц З. Г. Функции реминисценций в поэтике А. Блока // Учен. зап. Тартуского ун-та. Труды по знаковым системам. Тарту, 1973. С. 388-417.

за душу, я им увлечен весь, и, несмотря на то, философские вопросы нынешнюю весну сильно занимают меня. В письме, которое я не послал вам, я писал об этом романе и о том, как он пришел мне невольно и благодаря божественному Пушкину, которого я случайно взял в руки и с новым восторгом перечел всего”. Толстой объясняет для себя Пушкина. В это время он создает планы и заметки к роману. Одной из первых редакций явилась рукопись под названием “Молодец-баба”. В этом наброске мы видим явную зависимость толстовского варианта от пушкинского. На сюжетно-композиционном уровне Толстой дублирует строение пушкинского отрывка, так что на уровне сюжета (или предикации) в первоначальных набросках наблюдается идентификация толстовского замысла с пушкинским текстом.

С наброска “Два романа” вступает в действие следующий этап рецепции пушкинского отрывка – конституирование смысла (можно сказать, “сведение круга”, используя определение самого Л. Н. Толстого). “Сведенный” текст романа (любопытна установка Толстого на принципиальную завершенность текста, в отличие от открытых финалов Пушкина) создает ощущение неожиданной переломности, усложненности в состоянии героев, чего не было в черновых вариантах. Логика характера требует и определенной логики развития сюжета. В окончательном тексте романа сцена “Гости съезжались” была перемещена Толстым в центр произведения, однако он ее не уничтожает. На место пушкинской лаконичности приходит романная обстоятельность другого художника, где эта сцена подготовлена ходом предшествующего повествования. Случилось то, что могло случиться с героями Пушкина, по мнению Толстого. Сюжетные линии бесконечны и тесно переплетаются в романе.

В отличие от Салтыкова-Щедрина, демонстрирующего сходную модель рецепции, Толстой не трансформирует мифему, но развивает ее, продолжая пушкинский незавершенный текст. Если Салтыков-Щедрин берет за основу своего произведения один, достаточно подробно разработанный Пушкиным сюжет, то Толстой обращается к “калейдоскопу” отдельных фрагментов, связанных общей темой – сюжетом “вызова светскому обществу”. Рецепционная деятельность Толстого, таким образом, связана с процессом синтеза актуализируемых в его сознании текстов.

Эти наблюдения подтверждаются и при сопоставлении линии Левина с пушкинским отрывком “Участь моя решена”, который по своему эмоциональному тону и парадоксальности психологического состояния героя коррелирует с образом “счастливица” Левина. Параллельность этих сюжетов не может быть подтверждена однозначно как “прямое заимствование”. Однако сам факт пристального внимания Толстого к прозаическим опытам Пушкина, в том числе незавершенным отрывкам, позволяет сделать выводы об

актуальности для Толстого и этого фрагмента, его “внедренности” в творческое сознание писателя. Механизм рецепции, который мы можем здесь наблюдать, оказывается вариантом “вхождения в чужую мысль”. Однако в отличие от случая с Гоголем здесь наблюдается иная схема действия этого “вхождения”. Толстой отталкивается от пушкинского сюжета, не стремясь стать бережным продолжателем пушкинского слова, а разворачивая этот фрагмент по-своему. Здесь наблюдается некий синтез механизмов рецепции незавершенных пушкинских текстов, выявленных в рецептивных реакциях Гоголя и Салтыкова-Щедрина. “Попадание” Толстого в мир пушкинских героев и ситуаций (“завязалось так красиво и круто”) становится вариантом его авторской интенции, Пушкин выступает здесь в качестве “генератора” идеи, которая облекается в плоть “по-толстовски”. Стремление не столько продолжить, сколько “вписать” в длинный причинно-следственный ряд пушкинские наброски, уничтожить их дискретность и синтезировать единый текст вполне отвечает главным мировоззренческим позициям Толстого.

В заключении сделаны общие выводы и намечены дальнейшие пути изучения темы. Процесс “вхождения” незавершенной прозы Пушкина в общелитературное пространство, как мы уже отмечали, обеспечивался двумя главными группами реципиентов – профессиональными критиками и писателями. Критики “отодвинули” незавершенную прозу в сторону как слишком “многозначную”, мешающую им подтверждать собственные мировоззренческие установки о пушкинском творчестве. Писатели, напротив, активно включились в процесс творческого освоения этой части наследия Пушкина. Предпринятое нами исследование подводит к выводу о глубоком внутреннем потенциале незавершенной прозы Пушкина, о возможности дальнейшего разворачивания и воплощения его в русской литературе. Незавершенная проза Пушкина оказалась типологическим провозвестником основных тем, идей, образов, романских модификаций послепушкинской литературы. Для писателей пушкинские незавершенные отрывки и наброски стали своеобразной школой сюжетов, образов, художественного мастерства. В пушкинских сюжетах они видели творческие идеи, которые готовы были воплощать в своих произведениях. Рецепция шла по пути от прямого и “открытого” заимствования, бережного отношения к возможному пушкинскому ходу реализации замысла через “скрытое” подражание, заимствование, разворачиваемое на новом историческом материале, к стремлению включить пушкинский замысел в собственный художественный мир как органическую его часть, использовать пушкинские незавершенные тексты в качестве генеративной основы собственного творческого процесса. Этот

ход ассимиляции пушкинской незавершенной прозы в XIX веке представляется исторически последовательным и логичным.

Очевидно, что актуальным становится решение вопроса об эволюции незавершенной прозы Пушкина в литературе фактически завершившегося XX века.

СПИСОК ПУБЛИКАЦИЙ ПО ТЕМЕ ДИССЕРТАЦИОННОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

1. К вопросу о рецепции незавершенной прозы Пушкина “идеальными читателями” // Проблемы изучения литературы. Сб. науч. тр. ЧелГУ. Вып. 1, 1999 г. С. 15-22.
2. Механизмы рецепции незавершенной прозы А. С. Пушкина // Два века с Пушкиным. Материалы Всероссийской научно-практической конференции. 17-18 февр. 1999. В 2-х частях. Оренбург: Изд-во ОГПУ, 1999. Ч. 1. С. 133-144.
3. Незавершенная проза Пушкина // Вестник Челябинского университета. Филология. Сер. 2. 1999. № 1. С. 54-69.
4. Минц З. Г. Функции реминисценций в поэтике А. Блока // Учен. зап. Тартуского ун-та. Труды по знаковым системам. Тарту, 1973. С. 388-417. Рецепция пушкинского замысла “Криспин приезжает в губернию...” Н. В. Гоголем // А. С. Пушкин и культура. Тезисы международной конференции, посвященной 200-летию со дня рождения. Самара, 1999. С. 3-4.
5. Рецепция художественного текста: “Египетские ночи” в движении эпох // Graduate Essays on Slavic Languages and Literatures: Пушкинский сборник. University of Pittsburgh. Department of Slavic Languages and Literatures / Ed. by M. Altschuller, M. Brewer. 1999. Vol. 11-12. P. 8-17.
6. Роман в движении // Русские романы: Энциклопедия словесности. Челябинск: Урал-LTD, 1999. С. 637-650.

Налоговая льгота – Общероссийский классификатор
продукции ОК-005-93, том 2: 953000 – книги, брошюры.

Подписано в печать 24.04.2000 г. Формат 60 x 84 $\frac{1}{16}$. Бумага писчая № 1.

Печать офсетная. Усл. печ. л. 0,875. Тираж 100 экз.

Заказ № 1250. Изд. № 77. Бесплатно

Государственное унитарное предприятие «Копейская типография».
456000, Челябинская область, г. Копейск, ул. Ленина, 19.